05 1991

0 1 8

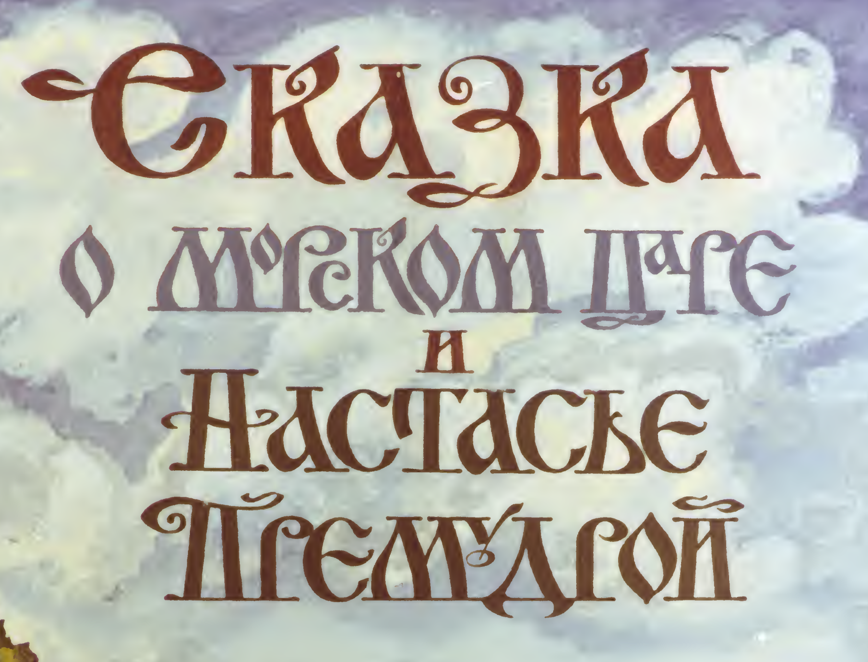
ТУ–19–241–82

8

4

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—086

Художник И. Большакова

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жили-были царь с царицей.

Как-то пошёл царь на охоту. И вдруг видит—сидит на дереве орёл. Крылья у него перебиты, не улететь орлу, не спрятаться. Нацелился на него царь, а орёл говорит человечьим голосом: «Не стреляй меня, царь-государь. Коли оставишь живым,—заплачу тебе добром за добро».

Подумал-подумал царь и взял орла к себе во дворец. Целых три года кормил царь орла.

А как третий год кончился, стал орёл свою силу испытывать. Взвился он в поднебесье и вихрем ударил сверху — да так, что старый дуб раскололся в щепочки.

— Теперь, — говорит орёл, вся моя сила при мне. Садись, царь-государь, ко мне на спину, пора мне с тобой рассчитаться.

Сел царь на орла и полетели они к синему морю. Тут тряхнул орёл крыльями, и упал царь в морскую пучину.

Но не дал ему орёл утонуть. Подвернулся под царя и опять на спину себе посадил.—«Это,—говорит,—я с тобой за зло рассчитался. Помнишь, как ты на меня нацелился? Вот то-то же! А теперь давай добром считаться».

Опять полетели. Много ли, мало ли прошло времени, говорит орёл: «Сейчас мы к моей сестре прилетим. Станет она тебя подарками одаривать, а ты ничего не бери, только проси золотой ларчик с золотым ключиком».

Как говорил орёл, так и сбылось. Одарила хозяйка гостя золотым ларчиком, и стал он домой собираться. Тут орёл ему наказывает: «Смотри, не отмыкай ларчик, пока домой не воротишься, не то беда будет!».

Идёт царь путем-дорогою, уже и к морю пришёл, а всё думает: что же там в ларчике? И не утерпел — отомкнул замочек. И в тот же миг стал перед ним золотой город — что ни дом, то дворец!

Любуется царь на город, а сам думает: «Вот беда! Как же я его теперь в ларчик запрячу?». И вдруг слышит голос со дна морского: «А я тебе помогу. Только обещай отдать мне то, чего дома не знаешь».

Призадумался царь: «Чего же это я дома не знаю? Кажись, всё знаю». И согласился.—«Ладно,-говорит,—чего не знаю, то твоё».—Не успел сказать—города как не бывало, а ларчик перед ним опять запертый стоит.

Вернулся царь домой. Жена на крылечке его встречает, сына ему выносит — Ивана-царевича! Без него наследник народился. Увидел царь сына и слезу уронил — вот оно, чего он дома не знал!

Вышел царь на ровное место, открыл ларчик, и вмиг раскинулся перед ним чудесный город. Стали царь с царицей в том городе жить, сына растить.

А время идёт и идёт. Сравнялось царевичу осьмнадцать лет. Раз как-то гулял царь по пристани и вдруг слышит голос из морской глубины: «Крепко же ты забывчив стал, царь-государь! Отдай обещанное!».

Темнее тучи вернулся царь домой и поведал царице и царевичу всю правду. Погоревали, поплакали вместе, да слезами горю не поможешь... Собрали царевича в дорогу, и пошёл он, а куда — сам не знает.

Пришёл царевич к синему морю. Видит—летят двенадцать уточек. Ударились они о́земь, обернулись красными девицами, крылушки сняли, платья скинули и пошли купаться.

Схватил Иван-царевич пару крылушек — те, что поярче — и за деревом спрятался. Ждёт, что будет?

Накупались девицы вволю и вышли на берег. Одиннадцать сестёр привязали крылушки, а двенадцатая — та, что всех краше — не может крылушек найти. Одиннадцать — обернулись уточками и улетели, а двенадцатая на берегу осталась.

Ходит она по берегу и приговаривает: «Отзовись, кто мои крылушки взял! Коль стар-старичок, — буду ему внучкой заботливой, коль в поре человек, — буду ему сестрой ласковой, коль удал молодец, — буду ему верной женой».

Тут вышел Иван-царевич из-за дерева и говорит: «Вот твои крылушки!». Обрадовалась девица.—«Ах, Иван-царевич,— говорит она,—мой батюшка, морской царь, давно тебя ждёт. Ступай скорее в подводное царство. Там и меня найдёшь».

Сказала так, обернулась уточкой и улетела. А царевич только шаг шагнул, как вдруг разделилось море на две стороны, и открылась перед царевичем дорога в самую глубь морскую, в подводное царство.

Смотрит царевич—и там свет, как у нас. И там луга просторные, рощи зелёные, и цветы цветут, и солнышко греет, и луна светит. А на самом видном месте дворец стоит, и в нём морской царь живёт.

Привели царевича к морскому владыке. — «Здорово! — говорит морской царь. — Долго же я тебя ждал. Вот тебе за провинок первая задача: к утру построй мне просторный амбар. А не построишь — не сносить тебе головы!»

Невесел идёт царевич из дворца. А Настасья Премудрая — та, что женой ему быть обещала,— высунулась из окошка и говорит: «Не кручинься, эта беда ещё не беда. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее».

Как настала ночь, вышла она на крыльцо и крикнула громким голосом: «Эй, вы, слуги мои верные, идите с топорами, с тесаками, постройте к утру просторный амбар!». Набежали тут со всех сторон плотники-работники. Кто место ровняет, кто брёвна таскает, кто пилит, кто строгает.

Утром проснулся Иван-царевич, выглянул в окошко, видит стоит амбар. Да не амбар—дворец! Взял он топор, ходит вкруг амбара — где гвоздик подобьёт, где по брёвнышку ударит. Тут и морской царь из своих покоев вышел.

—Спасибо тебе за добрую службу,— говорит он Ивану-царевичу.—А чтобы не стоял амбар пустой, обмолоти к завтрему пшеницу, что в скирдах стоит. Да, смотри, скирдов не ломай! Не то—мой меч, твоя голова с плеч!

Идёт Иван-царевич, слезами умывается. А Настасья Премудрая высунулась из окошка и утешает его: «Не горюй, всё будет сделано. Утро вечера мудренее!».

Дождалась она ночи, вышла на крыльцо и зовёт: «Эй, муравьи ползучие, ползите все сюда, выберите зерно из батюшкиных скирдов!». Набежало муравьёв тьма-тьмущая, выбирают они зерно из колосьев и в амбар перетаскивают.

Утром вышел морской царь да так и ахнул: скирды стоят целые, а зерно всё в амбаре.—«Теперь,—говорит морской царь,—сослужи мне последнюю службу: построй к утру дворец из чистого воску».

А Настасья Премудрая опять подстерегла царевича и шепнула: «Не горюй! Всё будет сделано!».

Ночью созвала она пчёл. Налетела их целая туча. И каждая капельку воска несёт. Так по капелькам дворец они и слепили. Утром вышел морской царь и глазам не верит: стоит дворец воску ярого, весь узорчатый, словно кружево плетёное.

—Ну, Иван-царевич,—говорит морской царь,—за твою службу выбирай себе невесту—из двенадцати моих дочерей любую. Угадаешь до трёх раз одну и ту же—будет она твоей женой. Не угадаешь—голову потеряешь!

А Настасья Премудрая и тут его научила, как узнать её. Вышли к нему двенадцать девиц—лицо в лицо, волос в волос, голос в голос. Иван-царевич посмотрел-посмотрел и, как уговорились, ту, что платочком махнула, выбрал.

В другой раз на ту, что платье поправила, показал. В третий раз к той подошёл, что колечко на руке тронула. Нечего сказать морскому царю. Приказал он свадьбу готовить.

Свадьба своим чередом идёт, а морской царь об одном думает, как бы царевича извести. И надумал. Да только не зря Настасью звали Премудрой — все его мысли угадывает.

Как стемнело, оседлали молодые коней и поскакали. Вдруг слышат—погоня настигает. Оборотила Настасья Премудрая Ивана-царевича пастухом, коней — зелёным лугом, а сама прикинулась овечкой. Погоня туда-сюда и назад воротилась.

Дальше держат путь Иван-царевич с молодой женой. А морской царь снова погоню шлёт. Да никого не нашла погоня. Стоит в поле часовня, у входа старик сидит, рядом два дерева растут. А беглецов нет как нет... Опять ни с чем воротилась погоня.

Беглецы опять в путь пустились. И вот слышат: стучит-гремит погоня пуще прежнего.— «Это батюшка за нами гонится!» — говорит Настасья Премудрая. Обернула она коней озером, Ивана-царевича — селезнем, а сама поплыла уточкой.

Только морской царь сам хитёр. Обернулся он орлом, налетел на утку с селезнем. А селезень от него на дно ныряет, и утка под воду уходит. Сколько ни бился морской царь, так ни с чем и вернулся восвояси.

—Теперь мы спаслись,—говорит Настасья Премудрая.—Вот и земля твоя перед нами. Ты вперёд ступай, да запомни: со всеми поцелуйся, а сестру не целуй, не то меня забудешь.

Пришёл царевич домой, со всеми обнимается, целуется, на радости и сестру поцеловал. И в тот же миг забыл Настасью Премудрую. Да так крепко забыл, что трёх дней не прошло, а он уж задумал жениться на богатой королевне.

А Настасья Премудрая ждала, ждала его, потом оделась нищенкой и сама во дворец пошла. Зашла с чёрного хода. Видит: стряпуха пироги печёт.—«Для кого это?»—спрашивает.—«Для царевича. Он сегодня женится».

—«Дай, бабушка, и я испеку»,—говорит Настасья Премудрая. Замесила она тесто, а в тесто голубя и голубку запекла. И сама понесла свой пирог к царскому столу.

Только разрезали пирог,—птицы вылетели. Голубь говорит голубке: «Поцелуй меня!» — «Нет, — отвечает голубка, — не поцелую, а то позабудешь ты меня, как Иван-царевич позабыл Настасью Премудрую».

Тут вспомнил царевич про свою жену, выбежал из-за стола, взял её за белые руки, подвёл к отцу с матерью.—«Вот моя жена, — говорит, — она меня из беды выручала, с нею мне и век вековать».

—«Так тому и быть»,—говорят царь с царицей. Королевну домой с подарками проводили, а Иван-царевич и Настасья Премудрая стали жить-поживать, добра наживать.

КОНЕЦ
Пересказ
и
сценарий
А. ЛЮБАРСКОЙ
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ИВАНОВ
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1976 год
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7
Д-335-76
Цветной
60